

Борис Штейн

Рюкзак,
наполненный
стихами

Избранное

2013

Борис Штейн

Рюкзак, наполненный стихами

«Книга-Сэфер»

2013

Штейн Б. С.

Рюкзак, наполненный стихами / Б. С. Штейн — «Книга-Сэфер»,
2013

В «Избранное» известного русского поэта и литератора Бориса Штейна вошли лучшие стихотворения, написанные за 60 лет творчества и стихи последних лет. Книга выпущена к 80-летию автора.

Содержание

1		5
	Ищу копьё	5
	Интернатская баллада	6
	Разговор с тетей Раей	8
	Вертолетчик	11
2		12
	Глобус	12
	Прибой	13
	Улыбка судьбы	14
	Маячица	15
	Утро на острове	16
	Творчество	17
	Циклон	18
	Бухта	19
	Вечер	20
	Масштабы	21
3		22
	Тревога недоверья	22
	Если бы	23
	Возвращение	25
	Когда мы попадаем в круг	26
	Да что там говорить...	27
	Вышгород	28
	Это так...	29
4		30
	Каша	30
	Лесной вальс	32
	В наш двор пришла Красивая Женщина	33
	Утро	34
	Об одном вечере	35
	Я шел из овощного магазина	36
	Любочка Богданова	38
	Одиночество	39
	Окончились походы	40
	Сквозняки	41
	Конец ознакомительного фрагмента.	42

Борис Штейн

Рюкзак, наполненный стихами. Избранное

Каме

1

Акценты

Ищу копье

Я тоже был когда-то мальчиком
С подвижным худеньким лицом.
А Дон-Кихот, сеньор Ламанчский,
Он приходился мне отцом.

И хоть ходил он на работу,
Носил и шляпу, и пиджак,
Он оставался Дон-Кихотом,
А латы про запас держал.

Когда взметнулись взрывы рыжие
И в окна заплясал огонь,
Отец достал доспехи рыцаря
И отклонил надменно «бронь».

Недолго дон Самуила
Носил голодный Росинант.
Огромна братская могила,
Где спит товарищ лейтенант.

А я – в дыму войны я выжил,
Уж доживаю до седин.
И из меня, как будто, вышел
Благополучный господин.

Но все чего-то не хватало...
Отец, отец, ищу твое
Всегда открытое забрало
И старомодное копье.

Интернатская баллада

На западе еще не отгремело.
Метель белила интернатский дом.
А мне до крайней точки надоело,
Что голодно и что зовут жидом.

Бывает безысходность и у детства.
Несчастья обступают, как конвой.
Незнаемое мною иудейство
В меня плеснуло скорбью вековой.

Нет, я не ведал про донос Иудин.
И что Христос был предан и распят,
Я не слышал. Но завтрак свой и ужин
Я отдавал сильнейшим из ребят.

И второгодник Николай Букреев
Мне разъяснял вину мою сполна:
Не выдал Сталин Гитлеру евреев,
Из-за того и началась война.

Я был оплеван интернатской брашкой.
Я был забит. Я был смотрящим вниз.
Я звался Мойшей, Зямкой и Абрашкой,
Имея имя гордое – Борис.

Во мне-то было килограммов двадцать
Живого веса вместе с барахлом.
Но я себе сказал: «Ты должен драться».
И я сказал Букрееву: «Пойдем».

Наш задний двор. Площадка у помойки.
На задний двор не приходили зря.
А пацаны кричали: «Бей по морде!»,
Подбадривая Кольку-главаря.

Ударил я. И все исчезло кроме
Рванувшейся неистовой грозы.
А дрались мы всерьез: до первой крови.
До первой крови или до слезы.

Букреев отступал, сопя сердито.
Он, черт возьми, никак не ожидал,
Что двадцать килограммов динамита
Таило тело хилого жида.

До первой крови. В напряженье адском
Я победил. Я выиграл тот бой.
А мой отец погиб на Ленинградском.
А Колькин – в то же время – под Москвой.

Разговор с тетей Раей

Тетя Рая Циперович
плохо говорит по-русски.
По-молдавски – по-румынски
тоже плохо говорит.
Я смотрю на тети-Раины
натруженные руки.
Жаль, что я не знаю идиш
и тем более иврит.

Неподвижен тихий вечер,
столько звезд на теплом небе,
словно пекари гигантские
просыпали муку.
И мне кажется, что пахнет
свежевыпеченным хлебом.
Я вдыхаю этот вечер,
надышаться не могу.

Чисто выметенный дворик,
сохнут кринки на заборе,
У луны неповторимый,
удивительный овал.
– Я была такой красивой,
что вы думаете, Боря!
Бедный Нема Циперович,
он мне ноги целовал.

И как будто на экране,
я увидел тетю Раю:
тело, словно налитое
всеми соками земли.
Добрый Нема Циперович
от восторга замирает.
Не крутите дальше пленку.
Стой, мгновение, замри!

Счастье бедного еврея!
Ложка счастья, бочка горя.
Было сладко после свадьбы.
Но не век – четыре дня.
Был погром. Дома дымились. —
Ах, зачем, скажите, Боря,
ах, зачем убили Нему
и оставили меня?!

Что ж, крутите дальше пленку,
ничего не пропуская.
Я гляжу на эти кадры —
ломит пальцы в кулаках.
И я вижу, как терзают,
как терзают тетю Раю,
и застыли гнев и ужас
в мертвых Неминых глазах.

Что потом? Румынский берег,
дом богатого раввина,
положение прислуги,
бесконечные дела.
– Но с тех пор, поймите, Боря,
я ни одного мужчины...
Столько лет, а я другого
даже видеть не могла.

Только жажда материнства —
это тоже очень много.
Эта жажда материнства
набегала, как волна.
А потом пришли Советы
и закрыли синагогу.
Я осталась у раввина.
А потом пришла война.

И раввин сказал евреям:
– Ну, так да, уйдут Советы.
Мы не жили без Советов?
Мы не видели румын?
И в то памятное утро
в тройку новую одетый,
с хлебом-солью на дороге
появился наш раввин.

А солдаты шли колонной.
Резал воздух марш немецкий.
Барабан без передышки
то чеканил, то дробил.
Офицер был пьян порядком.
Потому стрелял не метко.
Раз – в раввина, два – в раввина,
только с третьего добил.

Ну не надо, тетя Рая!
Ну не надо, полно, полно.
ОН не видит, ОН далеко
В бесконечных небесах.

Не крутите дальше пленку,
я хочу навек запомнить
гнев и ужас, гнев и ужас
в тети-Раиных глазах!

Вертолетчик

Я вторгаюсь в его столицу.
Я лечу на исходе дня.
Я убью моего убийцу,
Чтобы он не убил меня.

Я ему говорил, бывало:
– Откажись от своих затей!
Разве солнца и неба мало
Для твоих и моих детей?

Ешь да пей, да живи в охоту,
Обихаживая семью.
Да работай свою работу.
Он заладил одно: «Убью!»

Сколько раз меня убивали!
Миллионы и больше раз.
И свинцом меня поливали,
И пускали в легкие газ.

Чтобы не был я шахматистом,
Пианистом и скрипачом,
Чтобы не был я футболистом,
Архитектором или врачом.

Но я выжил. На этом месте
Я добротный построил дом.
Я забыл помышлять о мести.
Утоляю себя трудом.

Только с ним не идет беседа.
Истребляет он мой народ.
Нынче – друга. Вчера – соседа.
Завтра выпадет мой черед.

Ну уж нет! Его песня спета.
И его не спасет ничто.
Отделилась моя ракета
И находит его авто.

Покидаю его столицу.
Позади языки огня.
Я убил моего убийцу,
Чтобы он не убил меня.

2

Соленый ветер

Глобус

Когда я только родился
и начал пробовать голос,
(На всю отцовскую комнату
по глупости голосил,
Меня, человека нового,
приветствовал старый глобус,
Приветствовал добрый глобус
наклоном земной оси.
Потом я увидел глобус
одетым в морскую форму.
Я ползал по синим пятнам,
разбросанным по бокам.
Было смешно и здорово:
жизнь мне давала фору,
Я плыл по синему глобусу
к заманчивым берегам.
Но жизнь не всегда баюкала.
Бывало сплошное крошево,
Бывало, качнет, проклятая,
хоть голосом голоси!
Что там небо с овчинку!
Мне шарик казался с горошину,
И я на оси балансировал,
и чуть не слетел с оси.
Но за любую ночью
грядет волшебство рассвета.
На море в последнюю пену
садится последний туман.
Я верю в тебя, мой глобус,
игрушечная планета,
Я верю в тебя, как в добрый,
наследственный талисман!

Прибой

Я был один у самой кромки,
Когда над морем тлел закат.
И чьей-то гибели обломки
К моим ногам принес накат.

И кроме ящичков и тряпок
И перемолотых досок
Крест-накрест пару детских тапок
Сложило море на песок.

Оно гудело равнодушно,
И волны ровные брели.
И было страшно. Было душно
На грани моря и земли.

Улыбка судьбы

Стоит у столба симпатичный моряк.
По насыпи мимо летит товарняк.
И кто-то чумазый при этом
Приветливо машет беретом.

А кто с моряком, дорогая? Причем
Смеется, касаясь горячим плечом
Его отутюженной формы.
А мимо грохочут платформы.

Ах, этот моряк, он мне очень знаком.
Знакома и та, что стоит с моряком,
И насыпь знакома, знакомы столбы.
А поезд похож на улыбку судьбы.

Маячица

Майна-вира, майна-вира!
Уголек чернее ночи,
Островок – кусочек мира,
Обособленный кусочек.

Уголек кладем на тачки,
Нагружаем до отказа
И маячице Наташке
Улыбаемся чумазо.

А Наташке три годочка.
А Наташка симпатична.
В честь Наташки три гудочка
Капитан дает обычно.

А над морем красотища!
Солнце льется, как из чашки.
И бездонные глазищи
У маячицы Наташки!

Утро на острове

На этом маленьком острове птицы встают на зорьке.
Иногда залетают в комнату, глупые до чего!
Потом старика маячника будят не очень назойливо,
Но все-таки очень настойчиво будят они его.

Маячник сперва улыбается, а уж потом просыпается
(Те, кого будят птицы, всегда просыпаются так).
А солнце желтыми бликами по морю рассыпается,
Большое новое солнце, как вычищенный пятак!

И сразу встает Наташка, маленькая баловница,
И тянется к деду, теплая, румяная после сна.
А маленькая крапивница, желтогрудая птица,
Запуталась в этой комнате и мечется у окна.

Наташка берет крапивницу, теплый живой комочек,
И слушает птичье сердце, и кажется ей,
Что суматошное сердце сбивчиво очень
Просит ее: «На волю! Скорее, скорей!»

Наташка – как это утро. А утро похоже на детство:
Море и небо синью выкрасили окно.
Наташка уже умеет слушать чужое сердце.
В больших городах не каждому взрослому это дано.

А солнце неугомонное плавится и искрится.
Птицы кричат крапивнице: «Боже мой, где ты была?»
Так и живут на острове люди и птицы.
Маяк тем временем светит. Вот такие дела.

Творчество

Маячнице Наташке три с половиной годика.
В далеком детстве в городе видела трамвай.
Она ко мне в каюту спокойно заходит
И коротко приказывает: «Рисовай!»

И я тогда рисую Карабаса-Барабаса.
На бороду исчиркиваю полкарандаша.
У Карабаса рожа невыразимо красная.
Маячница Наташка смотрит, не дыша.

Она глядит огромными синими глазами,
Хватает рисунок, в клочья рвет.
Швыряет на палубу, топчет со слезами:
«Плохой, плохой, противный, вот тебе, вот»!

Милая Наташка, маячникова дочка!
Я вытру твои слезы, хоть мне они – мед,
Поскольку для художника здорово очень,
Когда он нарисует, а кто-то ревет!

Циклон

Внезапно налетел циклон.
И вот уже вторые сутки
Мотает маленькое судно,
Свистит беда со всех сторон.

А капитан плевал на страх,
И, ошалевшие от качки
И от старпомовской подначки,
Стоят матросы на постах.

А где-то в четырех стенах
Не спит бывалый штурманяга,
С лицом, бесцветным, как бумага,
С больным ребенком на руках.

Ребенок бредит на руках,
Ребенок жаркий, словно печка.
И равнодушная аптечка
Своим крестом наводит страх.

А за окном – скуловорот
И ночь, распоротая в клочья.
Как знать, что станет этой ночью,
Кто эту ночь переживет...

Бухта

В ночь великих разногласий
Между небом и водой
Пароходик разноглазый
Возвращается домой.

Я, не высидевши дома,
Побегу на бережок.
Пароходик мой знакомый,
Кто тебя побережет?

А его мотает разно,
То поднимет, то пригнет.
То мигнет мне красным глазом,
То зеленым подмигнет.

Лишь уткнувшись рыльцем в бухту,
И швартовы привязав,
Он закроет до побудки
Свои разные глаза.

Вечер

День растаял.
В нем было намешано красок!
Вечер.
Имя любимой женщины
По синему —
красным.

Четко все.
Нет ни серых туч,
Ни тумана шаровой ваты.
Небо.
Море.
Да красная тушь
заката.

Масштабы

Мы большие и мудрые.
Мы шагаем друг другу навстречу.
Под ногами земля, далека-далека.
Мы находим друг друга.
Я кладу тебе руки на плечи.
И у наших коленей плывут, не спеша, облака.

Солнце – третье лицо
в этой светом пронизанной сини.
Как я ждал этой встречи, как долго тебя я искал!
Мы шагаем, обнявшись, ступая ногами босыми
По зеленым лугам
и по желтым приморским пескам.

Слышишь легкий шумок?
Это море под нами грохочет.
Слышишь слабенький гул?
Это шум городского житья.
Видишь эти фигурки?
Они постоянно хлопочут:
Повседневная ты, повседневный и маленький я.

Но не надо о них, но не надо сегодня, не будем.
Им тащить на плечах напряжение трудного дня.
Будем им благодарны хотя бы за то, что из буден
Хоть на час отпустили огромных тебя и меня!

3 Проблемы

Тревога недоверья

Сегодня ночью задрожала тьма.
Сегодня ночью сильно заштормило.
Под черепицей ежились дома,
Как будто заболели. Их знобило.

И в час, когда, наглея, ураган
Играл чужой незапертою дверью,
Шатаясь на болезненных ногах,
Пришла она, тревога недоверья.

Она пришла, фонарик притушив,
И комнату заполнили примеры
Извечной лжи. Шипели торгаши
И ввали импозантные премьеры.

Уверовавший в собственную ложь,
Стоял плохой, но признанный писатель.
(Идущий в ногу. Учит молодежь.
Чего-то член, чего-то председатель.)

Вздохали громко женщины впотьмах.
Плескались клятвы и скрипели перья.
Шатаясь на болезненных ногах,
Она росла, тревога недоверья.

И я шептал: любимая, проснись,
Чтоб я не сомневался бесконечно.
Потришь щекой и тихо улыбнись
Не произвольно, сонно и беспечно.

И прекратятся сложные дела
Во тьме дрожащей, призрачной и зыбкой...
Но ветер выл. Любимая спала.
Глубоким сном. С далекою улыбкой

Если бы

История не знает сослагательного наклонения.

Расхожая истина

Если бы у бабушки росла борода, она была бы дедушкой.

Народная мудрость

Ах, если б Ева в первый год
Не ела самый первый плод,
Сумела б от ума щедрот
Запретом озаботиться,

Сиял бы ей небесный свод
И пели б ангелы без нот,
Не донимали б труд и пот,
А также безработица!

Ах, если б древний Авраам
Зарядку делал по утрам,
А не грешил с кухаркой —
Невольницей Агаркой,

Не родился б Магомед
И не было б огромных бед,
И не возник Бен Ладен,
Будь трижды он неладен!

Ах, если б самый главный босс,
Из рая не казал бы нос
(Что хорошо для носа),
Сакральных не было б имен,
Враждебных не было б племен
И не было б у босса
Еврейского вопроса.

Ах, если б старый шкипер Ной
Не смог бы справиться с волной
И утопил шаланду,
Не замутился б страшный бал,
Сексот бы всех не ободрал
И Ходорковский б не хлебал
Тюремную баланду.

Ах, если б я пришел на свет
Попозже на полсотни лет,
Я б вровень был с прогрессом,

Легко бы выучил иврит,
Лилит, Ирит и Суламит
Ценили б мой спортивный вид,
Смотрели б с интересом.

Но я пришел, когда пришел,
И голубь веточку нашел,
И Ной под воду не ушел,
Адам вспотел, тудяга.
На свет родился Магомед,
Устало небо от ракет,
Но жизнь прекрасна, спору нет,
И я, хоть старый, но поэт
Люблю нелепый белый свет
И не спускаю флага!

Возвращение

Я еду на склоне туманного дня
В тот город, в котором не любят меня.
Не любит моя молодая жена.
За то уж не любит, что я – не она.
И теща не любит, активно сердясь:
Ее не спросили, со мною сойдись.
Не любит редактор за то, что пишу
И то, что пишу, напечатать прошу.
Не любит товарищ, а прежде любил,
А прежде моим собутыльником был.
Я еду на этот мерцающий свет:
В других городах даже этого нет.

Когда мы попадаем в круг

Когда мы попадаем в круг
Необязательных законов,
Необязательных знакомых,
Необязательных подруг,

Вокруг шуршат, как камыши,
Необязательные «здрасьте»,
Необязательные страсти
Живут в предбаннике души.

И понимать нам не дано,
Что мы живем неинтересно,
Что все заранее известно,
Как в заштампованном кино.

Мы привыкаем по часам
Вариться в вываренном супе,
Мы принимаем воду в ступе
За настоящий океан

Единомышленники? Нет!
Мы сотоварищи по скуке.
Мы застрахованы, по сути,
От поражений и побед.

Когда мы разрываем круг,
Нас осуждают. Мы не слышим.
И сложный мир, в котором дышим,
Понятным делается вдруг.

Да что там говорить...

Уж лучше полный мрак,
Чем сумеречный круг.
Уж лучше полный враг,
Чем половинный друг.

Уж лучше бить, так бить,
А бьют, так получать!
Уж лучше в голос выть,
Чем по ночам молчать.

А лучше – без потерь,
А лучше так любить...
Да что уж там теперь.
Да что там говорить...

Вышгород

Я брожу по Вышгороду,
По Вышгороду,
По Вышгороду.
Исподлобья башенки
Буками смотрят.
Ах, говорю я, башенки,
Вы ж, говорю,
Вы ж, говорю,
Вы ж, говорю, поймите,
Что я пришел с моря.
Пусть я иду, покачиваясь,
Покачиваясь,
Покачиваясь,
Кланяюсь каждой башенке,
Как гранд-даме.
Я так ценю ваш качественный,
Ваш качественный,
Ваш качественный,
Тысячу лет незыблемый
Ваш фундамент.

Ветру меня по зыби нести,
По зыби нести,
По зыби нести.
Движению вечному
Отдаюсь весь я.
Но иногда незыблемости,
Незыблемости,
Незыблемости,
Хотя бы немного незыблемости
Так нужно
Для равновесья!

Это так...

Из-под накидки напускной небрежности,
Из-под рогожи грубости и грешности,
Из-под лохмотьев несуразной внешности,
Которые ношу я на себе,
Достану желтого цыпленка нежности
И осторожно протяну тебе.

4

С улыбкой я гляжу на наше поколение

Каша

Понимаешь, какое дело:
Я открыл поварскую книгу
И сварил по рецепту кашу
Из крупы, воды и из соли.

Я ей дал водяную баню,
Я ей дал, не жалея, масла.
И сварилась такая каша,
Что, когда приоткрыл я крышку,
Моментально возник над нею
Восклицательный знак огромный.

И пока я смотрел на книгу,
И пока я смотрел на руки,
Удивляясь, как они вместе —
Мои руки и эта книга —
Сотворили такое чудо,
Поднялась, засмеявшись, Радость,
Что тихонько в углу сидела.
И мы с Радостью съели кашу.
Это было великолепно!

Понимаешь, какое дело:
Не сварить мне хорошей каши.
Вот крупа и вода в избытке,
Вот и соль, и, конечно, масло.
Но чего-то все не хватает.
Спохватился: а где же Радость?
Посмотрел по привычке в угол,
Где сидела она обычно.
Там пылилось пустое кресло.
А без радости каши не сварить!

Понимаешь, какое дело:
Приходи ко мне непременно
И я сделаю все, что хочешь:
Я сварю мировую кашу,
Сколочу добротную полку,
Напишу стихи, если хочешь.
Если хочешь, такие, как эти,

А могу в настоящую рифму.
Я вообще могу очень много,
Потому что ты моя Радость,
Для тебя есть большое кресло,
И нельзя, чтоб оно пустовало.

Приходи ко мне непременно!

Лесной вальс

Осень в лесу,
Как на весу,
Кружится в золоте.
Это для вас
Медленный вальс,
Если позволите.

Как вы легки,
Как вы тихи,
Как вы доверчивы!
Нам танцевать
Раз или пять,
Или до вечера.

Над головой
Шар голубой
Кружит без грузика.
Это для нас
Медленный вальс —
Общая музыка.
Наш дирижер
Моря и гор
Еле касается.
Гриб-боровик
К нам норовит,
Хочет раскланяться.

Будет для нас
Медленный вальс
Общей улыкою
В том, что у нас
Тайная связь
Общей улыбкою.

Осень в лесу,
Как на весу,
Кружится в золоте.
Это для вас
Медленный вальс,
Если позволите.

В наш двор пришла Красивая Женщина

Пришла Красивая Женщина в наш дворик
на Южной улице.
Такая красивая женщина, что при виде ее лица
Даже само спокойствие – ленивая старая курица —
Охнув, снесла в смятении
Сразу два яйца!

Друзья мои, эта женщина была такая красивая,
Что пес, с малолетства приученный
всем угрожать «пор-р-рву!»,
Хотел зарычать привычно, но не собрался с силами
И замер с отвисшей челюстью, роняя слюну в траву.

А воробей восторженный сделал двойное сальто.
А чиж – ну кто бы подумал! – спел арию соловья.
А сам-то я растерялся. Я растерялся сам-то.
Ни петь и ни кувыркаться совсем не умею я.

Очень красивая женщина ко мне протянула руки
Под удивленными взглядами
домашних зверей и птиц.
И мне захотелось сразу сплясать, на колени рухнуть,
Спеть каватину Фигаро и десять снести яиц.

Утро

На тротуаре возле бани
Играл баран на барабанае,
Играл баран на барабанае,
Висевшем на боку.

На старой вывеске «АПТЕКА»
Сидел маэстро Кукарека,
Сидел маэстро Кукарека
И пел «Кукареку!»

А воробей купался в луже,
К тому же прыгал неуклюже,
К тому же прыгал неуклюже,
Одолевая страх.

Когда легли большие тени,
Все увидали, что олени,
Что солнце круглое олени
Пронесут на рогах.

Припев:

Ах, все устроено так мудро:
Проходит ночь, приходит утро.
И тихо радоваться утру
Поверьте, не грешно.

Приходит утренняя сказка,
А в сказке утренняя ласка.
Ах, эта утренняя сказка,
Все славно и смешно!!

Об одном вечере

Если б этот вечер
разливали на вынос,
Как вино молдавское
в специальном ларьке,
Я бы из Молдавии
ничего не вывез,
Только б вывез вечер
в корабельном анкерке.
У меня судьбина
путешествовать вечно.
Для меня плетется
паутина дорог.
И всегда с собою я
возил бы этот вечер,
Этот вечер, налитый
в пузатый анкерок.

За Полярным кругом
затоскую и робко,
Затворив каюту,
не увидели чтоб,
Анкерок я выкачу,
раскачаю пробку,
Бочечную пробку,
деревянный чоп.
Стихнет волн ворчание,
выйдут теплые звезды,

И запахнет
спелыми грушами.
А потом возникнет
и повиснет в воздухе
Улыбка,
беспомощная и грустная.

И исчезнет...

Я шел из овощного магазина

Я шел из овощного магазина.
Со мною рядом шла моя собака,
Неся в зубах капустный пирожок.

Не осудите маленькую хитрость.
Я был в то время очень одиноким,
И так специально обучил собаку,
Чтоб собирать нечаянные улыбки
Людей, идущих по своим делам.

Я нес большую желтую корзину.
Все думали, что я несу картошку,
А я в корзину собирал улыбки.
И было это дело, между прочим,
Ничем не хуже всех других занятий,
А может, даже лучше в десять раз.

Влюбленные (жаль, было их немного)
Спешили щедро доставать улыбки
Из радужных глубин своей души.

Их радовала умная собака,
И пирожок, и то, что он капустный,
А может быть, (хоть это под сомнением),
А может быть, их радовал и я.

Моей собаке радовались дети,
И радовались бабушки-старушки,
А взрослые серьезные мужчины,
Особенно военные, но в штатском,
Справлялись деловито о породе
И может ли она таскать подранков
Из зарослей болотных камышей.

Я отвечал, что сам я не охотник,
Поэтому не знаю: может – может
И огорченно думал: разве мало,
Что мне в корзину сыплются улыбки?
Так почему, чтоб оценить собаку,
Я должен представлять себе картину,
Что с неба наземь падают подранки,
И мы их жадно ищем в камышах.

И все ж я не был вовсе одиноким:
Иллюзия какого-то общенья

Тихонько заполняла пустоту.

Собака съела пирожок с капустой.
А мне что делать со своей добычей?
Забывшие на улицах улыбки,
Я рассовал тогда их по карманам
И так ношу, не знаю, для чего...

Любочка Богданова

Какой мороз подкрадывался —
С ума сойти!
Уже не двадцать градусов,
А больше тридцати.

Стоял, как торт-мороженное,
Седой забор.
Все по квартирам: боже нас
От уличных забот!

А мне Бог дал Богданову —
Такой курьез:
Я целовал Богданову
В такой мороз!

А улицы подсиненные
Пусты, пусты...
«Ах, Боренька, пусти меня,
Пусти, пусти...»

В снегу портфель с учебниками
Зачах совсем.
«Ах, Боренька, зачем ты так,
Зачем, зачем...»

Заснеженными двориками
Я брел домой.
И слышалось: «Аж, Боренька,
Ах, глупый мой!»

Мороз давил на градусники,
И я ему назло
Шел нараспашку, радуясь,
Что мне тепло.

Я шел, и, как у пьяного,
Кружилась голова.
Ах, Любочка Богданова,
Богда —
нова!

Одиночество

Я сейчас, как отвязанный плотик,
Одинок, сам себе не нужен.
Океан вокруг или лужа —
Одному одинаково плохо.

Кинотеатр. Стою у витрины
И разглядываю картинки.
И как будто меня половина...
Или весь, но в одном ботинке.

Одинокий, и днем, и ночью
Я стесняюсь себя самого.
Человек – это, знаешь, очень,
Очень парное существо.

И закон человеческой плоти,
И звучанье душевных гамм
Гонят, гонят бесхозные плотники
К берегам...

Окончились походы

Когда окончив дальние походы,
Я сразу стал невероятно штатским,
Мир был моим, доверчивым и шатким,
Весь в смене настроений и погоды.

И если небо ежилось простудно,
Я видел лица пасмурных прохожих,
Я чувствовал озноб всеобщей дрожи,
И было мне невесело и трудно.

Но иногда веселыми глазами
Сиял мне мир, как тысяча парадов
Солнц было столько, сколько женских взглядов,
И плюс одно – неглавное – над нами.

Сквозняки

Сначала ходили, посвистели,
Подушку покатали по постели,
Похлопали и дверью, и окном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.